

**КОМПЛЕКС СВАДЕБНЫХ МОТИВОВ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ
«НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ»**

Жаворонкова М. Ю.

соискатель¹,

Кемеровский государственный университет,

Кемерово, Россия

Аннотация

Статья посвящена элементам свадебной обрядности в повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством». Поведение персонажей рассматривается с точки зрения их обрядовых ролей. Автор выделяет основные этапы свадьбы, присутствующие в повести. Рассматривается роль инфернального персонажа, черта, в свадебном сюжете. В результате исследования делается вывод о несостоятельности инфернального персонажа в качестве участника свадебного сюжета, обусловленной особым сакральным временем действия повести.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, «Ночь перед Рождеством», свадебный обряд, жених, невеста, величание, сюжет о замужестве ведьмы, инфернальный персонаж.

**COMPLEX OF WEDDING MOTIFS IN THE NOVEL OF N. V. GOGOL
«NIGHT OF CHRISTMAS EVE»**

Zhavoronkova M. Yu.

applicant²,

Kemerovo State University,

Kemerovo, Russia

Annotation

The article is devoted to the elements of wedding ceremony in the novel of Nikolai Gogol «The night of Christmas eve». The behavior of the characters is

---

¹ Научный руководитель – д. ф. н., профессор Ходанен Л. А.

² Academic advisor: Khodanen L. A. Dr. Hab. (Philology), Professor, Kemerovo State University.

considered in terms of their ceremonial roles. The author identifies the main stages of wedding present in the novel. The role of the infernal character, the devil, is considered in the wedding story. As a result of the study, a conclusion is made about insolvency the infernal character is incompetent as a participant in the wedding plot caused by a special sacred time of action of the novel.

Keywords: N. V. Gogol, «The night of Christmas eve», wedding ceremony, groom, bride, a praising, the plot of the marriage of a witch, infernal character.

Гоголь всегда проявлял интерес к народному свадебному обряду, что подтверждают записи в «Книге всякой всячины», среди которых встречаются речь свата, приветствие новобрачным, а также подробные описания украинских и русских свадебных обрядов. Комплекс свадебных мотивов присутствует во многих повестях сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки». Действующие персонажи соотносимы с участниками традиционного свадебного обряда, а в центре сюжета стоит ситуация испытания жениха. При этом свадебный сюжет всегда сочетается с инфернальным. В «Сорочинской ярмарке» мачеха Хивря, мешающая свадьбе Параськи и Грицька, наделена ведьминскими чертами. В «Вечере накануне Ивана Купала» Петрусь получает необходимое для женитьбы богатство с помощью ведьмака Бисаврюка. Вмешательство инфернального персонажа приводит к нарушению обряда. Свадьба оказывается неправильной, потому что вместо борьбы с нечистой силой, на которую направлены все ритуальные действия традиционного свадебного сценария [5], возникает союз с ней.

«Ночь перед Рождеством» - последняя повесть сборника, в которой свадебный обряд развернут наиболее последовательно. В ней описаны праздничные гулянья молодежи, испытание жениха, сватовство. В финале повести появляется упоминание о счастливой любящей семейной паре. В нашей статье мы сосредоточим внимание на элементах свадебной обрядности, присутствующих в системе персонажей и сюжете повести.

В «Ночи перед Рождеством» можно выделить два свадебных сюжета. Первый связан с добыванием кузнецом Вакулой «царицыных черевичек» для возлюбленной, капризной красавицы Оксаны. Второй – сюжет о замужестве ведьмы, участниками которого становятся ведьма Солоха и черт.

В центре повествования находится ситуация испытания жениха: кузнец Вакула должен исполнить задание невесты и добыть для нее «черевички, которые носит царица». Мотив добывания для невесты детали одежды восходит к традиционному элементу обряда, когда жених перед свадьбой дарит невесте вещи и украшения для наряда [5, 546]. Трудное задание жених выполняет с помощью нечистой силы, как и Петрусь в «Вечере накануне Ивана Купалы». Но набожный Вакула не поддается искушению и не заключает с чертом договор. Он подчиняет себе черта, заставляя его вести себя в Петербург, к царице.

Для образа Оксаны важна традиция величания, заключающаяся в «ритуальном восхвалении, прославлении участников семейных и календарных обрядов в песенной форме» [1, 306]. Величание молодых – один из обязательных элементов свадьбы. При этом восхвалялись качества не конкретных людей, а идеальных персонажей свадьбы: «...невесту хвалят за лицо "белее снегу", за косу ниже пояса, за нарядные одежды, плавную походку, тихую речь, за умение "тонко прясть, ловко шить"» [1, 306-307].

Об исключительной красоте героини говорит повествователь, подчеркивая ее строгость к своим поклонникам и разборчивость: «Оксане не минуло еще и семнадцати лет, как во всем почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки, только и речей было, что про нее. Парубки гуртом провозгласили, что лучшей девки и не было еще никогда и не будет никогда на селе. Оксана знала и слышала все, что про нее говорили, и была капризна, как красавица» [3, 153].

К традиции навеличивания невесты восходит эпизод самолюбования Оксаны, где она хвалит свою внешность и походку: «Нет, хороша я! Ах, как хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, кого буду женою! Как будет

любоваться мною мой муж! Он не вспомнит себя. Он зацелует меня на смерть» [Там же]; «Да, парубки, вам ли чета я? вы поглядите на меня<...> как я плавно выступаю» [Там же]. В этом самонавеличивании возникает мотив богатого приданого: «у меня сорочка шита красным шелком. А какие ленты на голове! Вам век не увидеть богаче галуна! Все это накупил мне отец мой для того, чтобы на мне женился самый лучший молодец на свете!» [Там же]. Приданое невесты высоко ценилось, и в момент просватания оно должно быть предъявлено. С точки зрения имущественной приданое после свадьбы становилось материальной опорой новой семьи.

Трудная задача, которую Оксана задает жениху – достать для нее «царицны черевички» – связана глубинным смыслом свадебного обряда и положением невесты в нем. Как утверждает О. М. Фрейденберг, основу свадебного обряда составляют древние представления о царствующих богах, побеждающих тьму и смерть. Свадьба «Это обряд, тождественный триумфу и венчанию на царство. <...> это действие победы над смертью, в котором жених и невеста – царствующие боги» [8, 75]. Отголоски этих представлений мы находим в величаниях, где молодые называются князем и княгиней, а в их образах традиционно возникают описания богатых одежд; у невесты упоминаются многочисленные украшения, жемчуга. Требуя именно «царицных» черевичек, Оксана хочет надеть обувь по положению невесты и под стать себе, своей красоте: «Посмотрю я, где ты достанешь черевички, которые могла бы я надеть на свою ногу. Разве принесешь те самые, которые носит царица» [3, 161]. Сам Вакула и уподобляет девушку царице, когда видит ее в толпе колядующих: «Так, это она! Стоит как царица, и блестит черными очами» [3, 165]. В этом смысле «царицны черевички» надо понимать как овеществленную метафору.

Особое положение в развитии событий повести занимает инфернальный персонаж, черт, принимающий участие в двух свадебных ситуациях. Изначально он ворует месяц, тем самым нарушая гармонию рождественского

пейзажа, то есть выполняет функцию космологического зла, по причине активизации которого все хаотически смешивается в темноте.

Сюжет о краже месяца вводит тему борьбы света и тьмы, добра и зла, актуальную для предрождественского времени. Между светилом и чертом возникает своего рода противоборство: «...черт крался потихоньку к месяцу и уже протянул было руку схватить его, но вдруг отдернул ее назад, как бы обжегшись, пососал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны, и снова отскочил и отдернул руку. <...> Подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дуя, перекидывал его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки...» [3, 150]. Образ черта явно травестируется, а значимость его действий тем самым снижается. Единственным свидетелем кражи месяца оказывается пьяный волостной писарь, который, «выходя на четвереньках из шинка, видел, что месяц ни с сего ни с того танцевал на небе...» [Там же].

Вредительство черта объясняется его желанием «выместить на кузнице свою злобу», не дать Вакуле встретиться с Оксаной: «он знал, что богатый козак Чуб приглашен с дьяком на кутью <...>. А между тем его дочка <...> остается дома, а к дочке, наверное, придет кузнец <...>, который черту был противнее проповедей отца Кондрата» [3, 151]. Похитив месяц, черт пытается помешать ухаживаниям Вакулы, то есть препятствует воссоединению будущих жениха и невесты.

Новую попытку вмешаться в свадебный обряд черт предпринимает, когда предлагает Вакуле помощь в выполнении задания Оксаны в обмен на душу. Искушая Вакулу и стремясь завладеть его душой, черт обещает: «Денег дам сколько хочешь. <...> Оксана будет сегодня же наша» [3, 169]. Подобно Бисаврюку в «Вечере накануне Ивана Купала», черт предлагает жениху дьявольскую сделку за богатство, благодаря которому он сможет получить желаемую невесту у Чуба, стремящегося выдать дочь за состоятельного человека. Обещая жениху помощь в устройении свадьбы, черт пытается подменить собой дружку и вмешаться в свадебный обряд, чтобы отомстить

кузнецу. Вместе с тем, говоря «Оксана будет <...> *наша* (курсив наш – М.Ж.)», черт выдает намерение завладеть и душой невесты.

Параллельно основному сюжету повести развивается сюжет о замужестве ведьмы, в котором, согласно народной традиции, черт и ведьма связаны любовными отношениями [4, 250]. Впервые он возник в «Пропавшей грамоте», где черти «увивались около ведьм, будто парни около красных девушек» [3, 141]. В «Ночи перед Рождеством» пару черту составляет мать кузнеца Вакулы, Солоха.

Природа самой Солохи двояка: она хуторянка-вдова и ведьма. В первом случае она предстает как «угодливая хозяйка», но о которой ходят слухи, что она «точно ведьма». В сцене разговора Вакулы и Оксаны из уст девушки звучит вопрос: «Правда ли, что твоя мать ведьма?» [3, 155]. Но с ведьминской репутацией соединена и расчетливость хуторянки-вдовы. Стремясь выйти замуж за богатого казака Чуба, Солоха специально ссорит его со своим сыном, чтобы кузнец «не подъехал к его дочери и не успел прибрать всего себе» [3, 157]. Тем самым она препятствует свадьбе, что связано с ее действительной ведьминской натурой, ведь она в этом случае вредит сыну.

Ведьминская природа героини требует поведения, связанного с соблазнением. Черт становится лишь одним из многих поклонников Солохи, которая «умела причаровать к себе самых степенных козаков» [3, 157].

Сцена любовных отношений черта и Солохи подается в комическом свете. В эпизоде ухаживаний образ черта снова травестируется. Осмеивается его внешность, снижается его inferнальная природа, поведение его оказывается обыкновенным: «Тут черт, подъехавши мелким бесом, подхватил ее под руку и пустился нашептывать на ухо то самое, что обыкновенно нашептывают всему женскому роду. <...> Досаднее всего то, что он, верно, воображает себя красавцем. <...> мерзость мерзостью, однако ж и он строит любовные куры!» [3, 151-152]. В его поведении высмеяна некоторая театральность, не лишенная фальши: «Черт между тем не на шутку разнежился у Солохи: целовал ее руку с такими ужимками, как заседатель у поповны,

брался за сердце, охал и сказал напрямик, что если она не согласится удовлетворить его страсти и, как водится, наградить, то он готов на все: кинется в воду, а душу отправит прямо в пекло» [3, 162].

Черт претендует на несколько ролей в свадебных событиях: космологическое зло в качестве похитителя месяца, помощник жениха Вакулы в свадебном обряде и жених ведьмы Солохи в инфернальном сюжете. Однако он несостоятелен во всех трех ролях, что обусловлено особым сакральным временем действия повести.

Предрождественская ночь считается периодом разгула нечистой силы. Вместе с тем как канун великого христианского праздника она наделяется чертами священного времени рождения божества. Святость ночи подчеркивает пейзаж открывающий повесть: «Последний день перед Рождеством прошел. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звезды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа» [3, 149]. Сама природа предрождественской ночи благоволит празднествам, гуляниям, веселью. В повести изображено колядование – традиционный для сочельника обход домов группой молодых людей с благожелательными песнями. В такой обстановке предопределена участь черта, которому «...последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу» [3,150]. На этом фоне разворачивается свадебный сюжет повести, причем подчеркивается набожность жениха. Вакула не только кузнец, но и малюет иконы для Диканьской церкви, и черт боится его, зная его духовную силу.

Если в других повестях «Вечеров...» любовь жениха и невесты изначально взаимна, то Вакула мучается от безответной любви к строгой красавице Оксане. Повествователь замечает упорство кузнеца в ухаживаниях, отличающее его от всех поклонников героини: «Парубки <...>, потерявши терпение, оставляли ее мало-помалу и обращались к другим, не так избалованным. Один только кузнец был упрям и не оставлял своего

волокичества, несмотря на то, что и с ним поступаемо было ничуть не лучше, как с другими» [3, 153]. Этим обусловлен большой психологизм повести, связанный с любовными переживаниями героя.

При первой встрече с Оксаной Вакула признается ей: «Что мне до матери? ты у меня мать и отец и все, что ни есть дорогого на свете» [3, 155]. Любовь Вакулы к Оксане выражается и в том, что он, делая для нее сундук, хочет сделать его особенным, таким, который выделил бы свою владелицу среди остальных девушек Диканьки: «...ни у одной поповны не будет такого сундука. <...> А как будет расписан! Хоть весь околоток выходи своими беленькими ножками, не найдешь такого!» [3, 153-154]. Он дарит любимой свое искусство.

Оксана при своих подругах выдвигает условие женитьбы: «Если кузнец Вакула принесет те самые черевички, которые носит царица, то вот мое слово, что выйду тот же час за него замуж» [3, 161]. Изначально Оксана, требуя «царицыных черевичек», дразнит Вакулу, и сам он воспринимает это как насмешку красавицы над ним. Однако для него слово любимой девушки – закон. Ее требование – трудная задача, решение которой является условием создания семьи с возлюбленной.

Вакула пытается избавиться от мучающего его неразделенного чувства: «Через эту глупую любовь я одурел совсем», «что я за баба! Не дам никому смеяться над собою!» [3, 164]. Не видя выхода из положения, кузнец решается на грех, хочет «утопиться в проруби». Однако вскоре он вспоминает о пузатом Пацюке, знахаре, который считается на хуторе «сродни черту», и идет к нему, чтобы узнать дорогу к черту. Здесь жених ведет себя, как и другие герои «Вечеров», намереваясь обратиться к нечистой силе за помощью. Но увидев, что Пацюк в постный день ест вареники, Вакула, опомнившись, отказывается от своей затеи.

Но черт не хочет упустить своего врага. Поймав Вакулу, он предлагает ему заключить договор, обещает золото, однако набожный кузнец, прибегнув к хитрости, сам седлает его. Он усмиряет черта крестным знаменем, что

согласуется с народным представлением. Сюжет о набожном кузнеце, победившем черта с помощью крестного знаменья и хитрости, восходит к быличкам и вертепному театру, популярному в рождественский праздник [2, 770].

Если в повести «Вечер накануне Ивана Купалы» имела место мнимая помощь нечистой силы жениху, в «Ночи перед Рождеством» Вакула-жених не продает душу, а подчиняет себе черта, использует его, чтобы добыть подарок Оксане-невесте. Инфернальный персонаж оказывается побежден: «„Куда? - закричал он, ухватя за хвост хотевшего убежать чорта: „постой, приятель, <...> я еще не поблагодарил тебя“. Тут, схвативши хворостину, отвесил он ему три удара, и бедный чорт припустил бежать...» [3, 182]. Повествователь простодушно напоминает читателю о других вариантах отношений человека и черта, которые легко проецируются на историю Петруся и отличие «союза» кузнеца и черта: «Итак, вместо того, чтобы провести, соблазнить и одурачить других, враг человеческого рода был сам одурачен» [Там же].

По наблюдению исследователей, восходящее к традициям волшебной сказки «путешествие героя в чужое пространство (Петербург) приравнивается к смерти, а возвращение домой – к воскресению» [2, 771]. На это указывают слухи о самоубийстве кузнеца, которые распространяются в его отсутствие, и реакция Чуба на появление Вакулы в его доме: «Чуб выпучил глаза <...> и не знал, чему дивиться: тому ли, что кузнец воскрес...» [3, 183].

Сватовство совершается уже после победы над нечистой силой и символического воскресения жениха. Важно, что Вакула сватается к Оксане в день Рождества. Как отмечают исследователи, именно период от Рождества до Великого Поста, который в народном христианском календаре называется мясоед, по традиции считается наиболее подходящим для сватовства [6, 561].

Важна и набожность жениха, который осознает греховность своего намеренья погубить душу. Проспав церковную службу, Вакула воспринимает нашедший на него крепкий сон как Божье наказание [3, 182].

Свадебный сюжет, сочетающийся с инфернальным, в последней повести получает логичное завершение: использовав нечистую силу, жених Вакула приносит церковное покаяние, тем самым искупая свой грех союза с чертом. Это снимает опасность влияния нечистой силы на жизнь молодой семьи. «Ночь перед Рождеством» - единственная повесть сборника, в которой не ставится под сомнение счастье молодых после заключения брака. Тема счастливой семьи заявлена в образах Оксаны-матери, «красивой женщины с дитятей на руках» [3, 184].

Как и в «Сорочинской ярмарке», мысль о неискоренимости смерти остается, но теперь она введена в храмовый мир: Вакула расписывает черта в аду, «такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо» [3, 184]. Образ черта вызывает отвращение и вселяет страх Божий в прихожан, напоминая об адских муках грешной душе: «...дитя, удерживая слезенки, косилось на картину и жалось к груди своей матери» [Там же].

Библиографический список

1. Агапкина Т. А., Гура А. В. Величание // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. - М., 1995. – 306-307.
2. Виноцкий И. Ю., Дмитриева Е. Е., Манн Ю. В., Рогов К. Ю. Комментарий. Н.В. Гоголь. Собрание сочинений: В 23 т. Т. 1– М., 2003. С. 692.
3. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 23 т. Т. 1 / Сост., подгот. текстов и коммент. И.Ю. Виноцкий, Е.Е. Дмитриева, Ю.В. Манн, К.Ю. Рогов – М., 2003. С. 694.
4. Гура А. В. Брак // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. - М., 1995. – 244-250.
5. Гура А. В. Свадебный обряд // Славянские древности: этнолингвистический словарь/ Под ред. Н.И. Толстого. Т. 4. - М., 2009. – 544-547.

6. Гура А. В. Узенева Е. С. Сватовство // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 4. - М., 2009. – 560-564.
7. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. - М., 1997. - 445 с.